

Серж ЛИФАРЬ:

«НИКТО НЕ ЗНАЛ ЕГО ПОДЛИННОГО ЛИЦА»

Эти заметки были написаны к 100-летию С. П. Дягилева и опубликованы во французском журнале «Сад искусства».

Рисовано В. В. Мещеряков
и Д. Зинченко.
Paris 1910 г.

Нам всегда говорили о его сути нечто экзальтированное, подбирая самые льстивые из эпитетов: огромный, лучший, душа, всего, чего ни пожелает, добывающийся. Никто, однако, не знал его подлинного лица. Его бури—души, его сути—одиночества. Меценат? А у него ведь никогда не было ни су на самого себя. Всего два костюма,

двенадцать рубашек, немного одежды и шуба смирной известностью.

Он родился 31 марта 1872 года. В многочисленной новгородской семье. На всю жизнь сохранил своеобычие русского уклада. Когда я встретил Дягилева, он был уже легендой во плоти. А я восемнадцатилетним, совершенно заброшенным юнцом. Я ничего не умел. Но тем не менее рискнул объявить Дягилеву о своем намерении танцевать. Тот пришел в неопишуемую ярость. И послал меня учиться у лучшего миланского профессора. Начался крошечный ад: профессор бил меня, если мои экзерсисы не были совершенны. Был я абсолютно одинок, несчастен, ни слова не знал по-итальянски. Однажды Дягилев написал мне: «Я пришлю Вам подарок». Некоторое время спустя пришел пакет. В нем 24 книги на итальянском

«Джотто в Тьеполо». К пакету прилагалось письмо. В нем: «Учитесь, у меня серьезная ставка на Вас. И сделайте для меня анализ по Ренессансу».

Покидая Италию, я умел танцевать, знал итальянский, любил живопись.

Однажды он писал в письме к своей мачехе: «Я шарлатан, большой душа, страшный наглец, человек, приверженный логике и немного склонный к предрассудкам. Я огорчен немного своим подлинным талантом: я меценат. То есть человек, для которого превыше всего деньги... деньги... Мне ничего другого не остается».

Одно из самых ярких требований Дягилева: быть в курсе всего. Навязывать строгость. Все дисциплины, необходимые для достижения совершенства в балете, чтить одинаково. Глаз был для него так же важен, как

дух. Ухо — как хореография. Его призвание: находиться в постоянной реализации замыслов, обретать единство и создавать искусство. Такой неповторимый танцор, как Нижинский, не казался нигде столь вдохновенным, как в балетах, исполняемым им для Дягилева. «Павильон Армиды», «Видение розы», «Полуденный отдых фавна», «Голубой бог», «Весна священная».

На премьере «Полуденного отдыха...» в одной ложе сидели Ренуар, Роден, Пруст...

В 1929 году создавался «Блудный сын». Дягилев был недоволен абсолютно всем. Ему не нравилось освещение, он оторгался с суровостью во все мизансцены, смущал танцовщиков. В день премьеры я симпровизировал, и спектакль закончился с триумфом. Решено было его отпраздновать. В собственную

ложу я решил поместить макет Руо. Но зеркало разбилось, и осколки посыпались к ногам Дягилева, суеверного, как и мы все.

Позже, открывая шампанское, я провозгласил тост за 23-й балетный сезон. Однако Дягилев сказал: «Спасибо, я больше ничего для тебя не сделаю. Я сделаю через тебя. Я рухнул...»

Он уехал в Венецию. Не-

